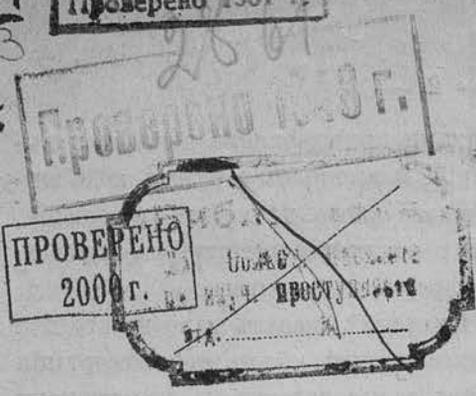

4-813
7-813

*Дорогой
Леву Исавичу Модис
и доктору Канж
от автора*

6649 Кав. ун-та

Памяти криминалиста-новатора проф. А. А. Пionтковского.

Въ концѣ декабря истекшаго года смерть внезапно изъ рядовъ русскихъ криминалистовъ вырвала новую жертву. Неожиданно скончался профессоръ Казанскаго университета Андрей Антоновичъ Пionтковскій.

На страницахъ «Юрид. Вѣстн.» уже былъ помѣщенъ некрологъ почившаго, принадлежащій перу проф. В. Н. Ширяева; мы поэтому почти не будемъ останавливаться на данныхъ біографическаго характера и остановимся главнымъ образомъ на оцѣнкѣ научныхъ трудовъ и дѣятельности Андрея Антоновича

Лучшей изъ работъ А. А. Пionтковского мы считаемъ монографію «Объ условномъ осужденіи или системѣ испытанія», 1894 г., за которую въ Казанскомъ университетѣ онъ получилъ степень магистра уголовного права. Авторъ былъ способенъ горячо увлекаться научными проблемами. Работая за границей въ семинарѣ профессора Листа, онъ увлекся вопросомъ объ условномъ осужденіи и съ энтузіазмомъ сталъ детально изучать этотъ вопросъ, являясь для нашего отечества истиннымъ новаторомъ, ибо институтъ условнаго осужденія, уже завоевавшій себѣ прочную позицію въ Америкѣ и на западѣ, былъ совершенно чуждъ нашему законодательству и сравнительно мало занималъ нашихъ теоретиковъ. Книга Пionтковского поставила этотъ вопросъ у насъ на очередь и привлекла къ нему вниманіе. Объ институтѣ условнаго осужденія ведутся подробныя пренія (по докладу С. К. Гогеля) въ петербургскомъ юридическомъ обществѣ, а два года спустя эту тему выдвигаетъ для своего съѣзда тогда недавно лишь родившаяся русская группа международнаго союза криминалистовъ.

На ряду съ другими докладчиками представляет докладъ и выступаетъ на сѣздѣ Пюнтковскій, и главнымъ образомъ подъ вліяніемъ его горячаго и убѣжденнаго слова проходитъ резолюція, объявляющая институтъ условнаго осужденія институтомъ «справедливости, человѣчности и государственной пользы».

По существу вопроса А. А. на сѣздѣ сказалъ мало новаго для тѣхъ, кто былъ знакомъ съ его диссертацией, ибо въ этой диссертации вопросъ былъ широко освѣщенъ и исторически, и догматически и политически. Онъ указалъ тамъ на рядъ прецедентовъ въ исторіи, напоминающихъ въ томъ или иномъ отношеніи институтъ условнаго осужденія; онъ отмѣтилъ зарожденіе и развитіе этого института въ Англіи и Америкѣ; онъ далъ вѣрную и подробную оцѣнку закона Беранже во Франціи; онъ указалъ на тѣ основныя формы, въ которыхъ вылился этотъ институтъ на практикѣ, отмѣняя на ряду съ видами и разновидностями (напримѣръ, особенности организаціи даннаго института въ Австралійскихъ колоніяхъ); онъ, далѣе, справедливо провелъ рѣзкую демаркаціонную черту между условнымъ осужденіемъ, какъ судебнымъ институтомъ, и германской вариацией, построенной на идеѣ условнаго помилованія; онъ настаивалъ на введеніи этого института у насъ и притомъ именно какъ института судебного и т. д.

Послѣдовавшіе изслѣдователи дополняли данныя Пюнтковского, иначе опредѣляли юридическую природу института, иногда отмѣчали тѣ или инныя ошибки Пюнтковского, но все же справедливость требуетъ указанія, что вся суть вопроса впервые дана была именно имъ и въ общемъ дана очень удачно. Были, конечно, въ его книгѣ и слабыя мѣста. Особенно трудно согласиться съ признаніемъ института условнаго осужденія наказаніемъ. Пишущій эти строки уже въ 1899 г. выступилъ съ подробной критикой этого воззрѣнія въ одномъ изъ засѣданій ярославскаго юридическаго общества, а потому, конечно, раздѣляетъ аргументацію тѣхъ, кто въ позднѣйшіе годы подчеркивалъ этотъ дефектъ диссертации Пюнтковского. Но, вполне признавая этотъ дефектъ, нужно все же имѣть въ виду, что онъ нимало не мѣшалъ автору уяснить фактическую природу института и сдѣлать все возможное для проведенія этого института у насъ въ жизнь. Намъ даже кажется, что упорное отстаиваніе Пюнтковскимъ той позиціи, что условное осужденіе является наказаніемъ, во многомъ объясняется условіями

того времени, когда онъ выпускалъ свою книгу. Если и теперь еще въ нашей наукѣ догматическій элементъ въ значительной мѣрѣ продолжаетъ отбѣнять политическій, если и теперь абстракціи нерѣдко доминируютъ надъ идеей служенія важнѣйшимъ проблемамъ современнаго уголовного правосудія, то въ началѣ девяностыхъ годовъ истекшаго вѣка, когда А. А. писалъ свою книгу объ условномъ осужденіи, у насъ почти безраздѣльно царила классическая школа, и въ частности идея возмездія у многихъ представителей науки еще имѣла нѣкоторый кредитъ.

Непризнаніе условнаго осужденія наказаніемъ бѣть по идеѣ возмездія: преступленіе есть, а наказанія нѣтъ, необходимое возмездіе отсутствуетъ, правопорядокъ подрывается. И вотъ, какъ бы для примиренія, сторонникамъ идеи возмездія говорятъ: успокойтесь, условное осужденіе есть одинъ изъ видовъ наказанія. Имъ подробно расписываютъ значеніе «Дамоклова меча» надъ головой преступника, висящаго надъ условно осужденнымъ, подчеркиваютъ тяжесть этого психологическаго груза, эквивалентнаго идеѣ зла или страданія, которое долженъ испытать преступникъ по идеѣ возмездія и т. п. Конечно, трудно признать такую аргументацію убѣдительной, но можетъ быть въ сферѣ подсознательнаго у А. А., горячо желавшаго введенія условнаго осужденія въ Россіи, было смутное опасеніе за судьбу этого института, заставлявшее его упорно стоять на позиціи, слабой теоретически, но болѣе зато приемлею для людей иначе мыслящихъ и съ инымъ научнымъ *stredo*. Недаромъ учитывалъ онъ и возможность извѣстнаго мстительнаго чувства у потерпѣвшаго и только доказывалъ, что публичное установленіе совершенія даннымъ лицомъ деликта, а также порицаніе виновнаго, выражающееся въ условномъ, но все же осужденіи, даннаго деликта, — даютъ потерпѣвшему достаточное удовлетвореніе.

Выпускомъ въ свѣтъ книги и выступленіемъ на съѣздѣ русской группы не ограничилась дѣятельность Пюнтковскаго, посвященная научной пропагандѣ института условнаго осужденія; всю жизнь энергично и неуклонно онъ слѣдилъ за судьбами этого института, и съ 1895 г., начиная со статьи «Условное осужденіе въ Норвегіи», почти непрерывной вереницей тянется рядъ его статей, посвященныхъ той же темѣ, кончая статьями «Условное осужденіе въ германскомъ и австрійскомъ проектахъ уголовныхъ уложеній» («Вопросы Права» 1911 г., кн. 6) и др. Если учесть эти статьи и поставить

ихъ въ связь съ книгой А. А. объ условномъ осужденіи, едва ли можно будетъ согласиться съ отзывомъ Тимашева, что трудъ Піонтковскаго «является безспорно устарѣвшимъ» (см. Тимашевъ, Условное осужденіе, 1914, предисл.).

И когда появился министерскій проектъ введенія института условнаго осужденія въ Россіи, А. А. Піонтковскій могъ испытать чувство полнаго и глубокаго научнаго удовлетворенія: восторжествовала идея, на служеніе которой онъ отдалъ лучшую часть своей жизни; она получила официальное признаніе, столь рѣдко выпадающее у насъ на долю глубокихъ и дѣйствительно прогрессивныхъ научныхъ идей, и объяснительная записка къ проекту цѣлыми страницами черпала матеріалы и доводы изъ основнаго труда А. А. Правда, проектъ, который послѣдовательно вносился въ три первыя Государственныя Думы и былъ принятъ третьей Думой, затѣмъ, раздѣляя судьбу многихъ проектовъ, разбился о законодательный барьеръ, созданный Государственнымъ Совѣтомъ, но Піонтковскій не утратилъ вѣры, что близко время, когда дорогой ему институтъ все же войдетъ въ русскую жизнь; его не смутили ни доводы принципиальныхъ враговъ новаго института, ни осторожность тѣхъ «друзей» института, которые проваливали проектъ въ виду нашихъ «особыхъ условий», «несвоевременности» введенія и т. д., и т. п. И въ «блестящей» (по отзыву Тимашева) рѣчи тогдашняго министра юстиціи Щегловитаго Піонтковскій, вспоминая все, что онъ писалъ и говорилъ объ институтѣ условнаго осужденія, могъ уловить немало близко знакомыхъ ему нотъ и аргументовъ.

Другой большой трудъ А. А., принесшій ему степень доктора уголовного права, выдвинулъ также новый для нашей родины вопросъ объ «Условномъ освобожденіи». Эта работа, по нашему мнѣнію, уступаетъ труду А. А. объ «Условномъ осужденіи». По сравненію съ этимъ трудомъ авторъ нерѣдко повторяется; слишкомъ много замѣтно параллелизма въ изложеніи и, такъ сказать, однотонности идей. Условное освобожденіе авторъ разсматриваетъ не какъ особую сложную форму освобожденія преступника отъ части наказанія, которое онъ отбывалъ, а какъ стадію наказанія («Во всѣхъ формахъ своего выраженія условное освобожденіе выступаетъ въ качествѣ карательнаго института и сохраняетъ присущій ему карательный моментъ». Піонтковскій, «Условное освобожденіе», 1900 г., стр. 136). Здѣсь аргументація автора близко

сходится съ его же аргументаціей въ пользу признанія наказаніемъ условнаго осужденія. То же замѣчается и въ нѣкоторыхъ другихъ частяхъ книги, особенно же тамъ, гдѣ авторъ выясняетъ отличіе условнаго освобожденія отъ помилованія (*ibid.*, стр. 140—141); изложеніе здѣсь достаточно рельефно и убѣдительно, но близко подходит къ тому, что было уже сказано въ книгѣ объ условномъ осужденіи. Но, оставляя въ сторонѣ указанный дефектъ, все же нельзя не признать трудъ А. А. объ условномъ освобожденіи трудомъ солиднымъ и добросовѣстнымъ. Авторъ далъ обстоятельный и умѣлой рукой сдѣланный очеркъ условнаго освобожденія въ Европѣ, Америкѣ и Японіи, выяснилъ его организацію, опредѣлилъ съ своей точки зрѣнія его юридическую природу и уголовно-политическое значеніе и, наконецъ, съ глубокимъ вниманіемъ отнесся къ вопросу о введеніи условнаго освобожденія въ нашѣмъ отечествѣ. Онъ живо сознавалъ долгъ русскаго ученаго юриста стремиться къ обновленію нашего устарѣлаго и хаотическаго права и введенію въ него новыхъ и важныхъ институтовъ. Когда онъ выпускалъ свою книгу, проектъ новаго уголовного уложенія еще не былъ утвержденъ, но А. А. былъ далекъ отъ идеализаціи этого проекта: на ряду съ «значительными преимуществами сравнительно съ дѣйствующимъ уложеніемъ», онъ справедливо усматривалъ въ проектѣ «ощутительные недостатки, могущіе крайне вредно отразиться на функціонированіи создаваемой имъ карательной системъ», а къ числу важнѣйшихъ недостатковъ относилъ отсутствіе въ проектѣ института условнаго освобожденія — этого «могучаго средства въ достиженіи исправительныхъ цѣлей, — необходимаго орудія въ ряду мѣръ борьбы съ т. н. постоянными преступниками и юнымъ преступнымъ людомъ». Естественно, что способствовать введенію въ наше право даннаго института — это, по мнѣнію А. А., «кардинальная задача нашей русской уголовной политики» (Піонтковскій, у. с., предисл.).

Какъ извѣстно, появившееся у насъ въ первоначальной редакціи проекта условное освобожденіе затѣмъ исчезло и замѣнено поставленнымъ въ очень тѣсныя рамки безусловнымъ досрочнымъ освобожденіемъ. Отношеніе редакторовъ проекта къ институту условнаго освобожденія было въ принципѣ сочувственнымъ, но, какъ и во многихъ другихъ случаяхъ, это сочувствіе не помѣшало имъ фактически провалить новый институтъ по обычнымъ въ под (11)

случаяхъ мотивамъ. Конечно, это прежде всего «преждевременность», а затѣмъ наши отечественныя «особыя условія» — неудовлетворительность тюремнаго механизма, отсутствіе правильно организованнаго полицейскаго надзора и общества тюремнаго патроната.

Піонтковскій подробно, шагъ за шагомъ, разбираетъ эти аргументы и ясно доказываетъ преувеличенность связанныхъ съ ними опасеній, а также неубѣдительность и неправильность ихъ по существу. Его выводъ гласитъ, что на пути включенія условнаго освобожденія въ нашу карательную систему никакихъ препятствій не существуетъ (у. с., стр. 170—178).

Онъ разрабатываетъ свой подробный проектъ условнаго освобожденія въ примѣненіи къ Россіи и этимъ заканчиваетъ свою книгу. И если въ общемъ наше законодательство не пошло до сихъ поръ по указанному Піонтковскимъ пути, то все же, во-первыхъ, частичное удовлетвореніе А. А. могло дать состоявшееся у насъ введеніе безусловнаго досрочнаго освобожденія, а во-вторыхъ, съ появленіемъ у насъ особыхъ судовъ для малолѣтнихъ уже дѣлаются въ нашей практикѣ шаги, соотвѣтствующіе идеѣ условнаго освобожденія, съ организаціей попечительнаго надзора включительно.

Характерно, что свою книгу А. А. назвалъ «Условное освобожденіе», а не «Условное досрочное освобожденіе». Это имѣло свою причину; первоначально А. А., какъ извѣстно пишущему эти строки, увлекался идеей неопредѣленныхъ приговоровъ и хотѣлъ писать о нихъ. Но затѣмъ у него возникли серьезныя сомнѣнія, и онъ рѣшилъ измѣнить тему, давъ о неопредѣленныхъ приговорахъ лишь небольшую статью («Неопр. приг. по проекту норвежскаго уложенія», «Право», 1899 г., 8). Къ абсолютно-неопредѣленнымъ приговорамъ у него сложилось рѣзко отрицательное отношеніе; онъ вѣрно отмѣтилъ, что эта система, «отдающая всецѣло личность въ руки власти и не представляющая никакихъ гарантій для защиты этой личности отъ возможнаго произвола, рѣзко противорѣчитъ современному юридическому строю и въ виду этого уже представляется непригодной и кромѣ того она не вызывается потребностями цѣлесообразной постановки дѣла борьбы съ преступностью». Что же касается относительно-неопредѣленныхъ приговоровъ, то въ принципѣ А. А. относился къ нимъ сочувственно, усматривая въ нихъ и удовлетвореніе принципа индивидуализаціи наказанія, и сохраненіе гарантій для защиты личности отъ возможнаго произвола.

Поэтому, опустивъ въ заглавіи своей книги слово «досрочное», онъ теоретически имѣлъ въ виду подвести подъ условное освобожденіе также и освобожденіе лицъ, осужденныхъ относительно-неопредѣленными приговорами. Но въ концѣ концовъ онъ все же проводилъ въ своей книгѣ, особенно по отношенію къ нашей родинѣ, лишь идею условнаго досрочнаго освобожденія. Правда, онъ повторяетъ свое едва ли достаточно обоснованное и убѣдительное утвержденіе, будто «о посягательствѣ на индивидуальную свободу не можетъ быть и рѣчи, если лишеніе свободы допускается не иначе, какъ по суду, и продолжительность этого лишенія точно ограничивается установленнымъ maximum'омъ и minimum'омъ»; но здоровое чувство дѣйствительности продиктовало А. А. сейчасъ же такое ограниченіе, которое уничтожило категоричность его тезиса и предохранило его отъ опаснаго эксперимента защищать для Россіи относительно-неопредѣленные приговоры: для безвредности послѣднихъ онъ считаетъ необходимымъ, дабы органы, отъ усмотрѣнія которыхъ зависитъ выпускъ заключеннаго не раньше указаннаго судомъ минимальнаго и не позже указаннаго имъ максимальнаго срока, «находились на надлежащей высотѣ и въ своей дѣятельности руководились интересами борьбы съ преступностью, а не какими-либо посторонними соображеніями (у. с., стр. 143, прим., 169, прим.). Это вѣрная оговорка удержала А. А. на надлежащемъ и гуманномъ пути, гармонировавшемъ со всеѣмъ складомъ его натуры.

Чтобы покончить съ книгой А. А. объ условномъ освобожденіи, мы должны отмѣтить, что въ ней en passant иногда попадаются цѣнныя мысли и предложенія, не относящіяся непосредственно къ его темѣ. Такъ, на примѣръ, мы считаемъ чрезвычайно удачной его идею относительно способа организаціи обществъ патроната въ Россіи. Указавъ, какъ мало у насъ этихъ обществъ сравнительно съ потребностями рационально поставленнаго дѣла борьбы съ преступностью, Пюнтковскій замѣчаетъ: «Нужна цѣлая серія такихъ обществъ, необходимо существованіе по крайней мѣрѣ по одному обществу въ каждомъ городѣ и уѣздѣ. Возлагать надежду въ образованіи такихъ обществъ на частную инициативу врядъ ли основательно, не только потому, что для осуществленія такого грандіознаго дѣла частная инициатива недостаточна, но и потому, что это дѣло имѣетъ въ высшей степени серьезное государственнo-общественно-

ественное значеніе. Развѣтіе такихъ обществъ можетъ быть обезпечено, если объ этомъ позаботятся земское и городское самоуправленія. Широкое прочное и постоянное функціонированіе тюремнаго патроната возможно только (въ томъ случаѣ), если оно станетъ земскимъ дѣломъ, если по образцу института земской медицины, создастся и разовьется институтъ земскаго патроната» (Ibid., примѣч., стр. 176—177).

Видя, какъ въ наши дни, въ годину тяжелой военной невзгоды, широко и плодотворно развивается дѣятельность земскаго и городского союзовъ, и какъ эти союзы успѣшно справляются съ самыми новыми и разнообразными задачами, нельзя не признать, что Пюнтковскій, говоря о патронатѣ, указалъ на дѣйствительный и вѣрный путь, на путь, по которому Россіи безусловно придется пойти въ будущемъ, если она дѣйствительно захочетъ вести энергичную борьбу для ослабленія грознаго соціальнаго зла, носящаго имя преступности.

Иногда о Пюнтковскомъ представители дешеваго остроумія говорили: «Что это за юристъ? Условное осужденіе, условное освобожденіе, а гдѣ же что-либо безусловное и положительное?» Но говорившіе такъ были вдвойнѣ неправы. Во-первыхъ, по мѣрѣ того, какъ отмирають взгляды, сводившіе всю работу юриста къ догматикѣ и только въ ней видѣвшіе суть науки, по мѣрѣ того какъ расширяются научные горизонты и теряютъ кредитъ тѣ, по прекрасному выраженію Кони, «хладные сердцемъ», коимъ даже отжившія правовыя формы кажутся «скрижалями завѣта, передъ мертвымъ платоломъ котораго должны смолкать чаянія и упованія жизни», — по мѣрѣ всего этого вырастаетъ и понятіе, что юристъ выполняетъ важную для юриспруденціи работу и тогда, когда трудится не надъ статикой, а надъ динамикой своей науки, когда въ частности въ уголовномъ правѣ онъ разрабатываетъ новыя уголовно-политическія проблемы. И недаромъ, какъ только у насъ образовалась русская группа международнаго союза криминалистовъ, въ первомъ же засѣданіи перваго ея комитета (2 ноября 1897 г.) было рѣшено на первую очередь поставить разработку вопросовъ объ условномъ осужденіи и условномъ досрочномъ освобожденіи. Можетъ быть тамъ тоже сидѣли тогда «неюристы», но нужно помнить, что въ ихъ числѣ была такая крупная ученая фигура, какъ покойный И. Я. Фейницкій.

Во-вторыхъ, Пюнтковскій, отдаваясь по преимуществу уголовно-политической работѣ, наиболѣе ему близкой по его душевному складу, въ то же время отнюдь не отрицалъ значенія догматической работы въ нашей наукѣ и не отходилъ въ сторону отъ этой работы.

Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ, являясь дѣятельнымъ сотрудникомъ «Юридической Библиографіи», издаваемой Демидовскимъ лицеемъ, онъ разбиралъ на ея страницахъ появляющіяся новыя научныя работы, независимо отъ принадлежности ихъ авторовъ къ новой или старой школѣ и независимо отъ того, были они посвящены догматикѣ или политикѣ. Въ длинномъ спискѣ рецензій А. А. мы между прочимъ находимъ разборъ работы Есипова «Отравленіе», разборъ цѣлаго ряда трудовъ по тюрьмовѣдѣнію (Winter'a, Gerberann'a, Aschrott'a, Lenz'a и др.), параллельный разборъ относящихся къ вопросу о вмѣняемости небольшихъ, но на шумѣвшихъ работъ Liszt'a и Gretener'a, разборъ важнѣйшихъ трудовъ такихъ не отлагающихся новаторствомъ криминалистовъ, какъ van-Calker, Lucchini и Proal, замѣтку, посвященную уясненію важности громаднаго труда по сравнительному изложенію современнаго уголовного законодательства, изданія Листа «Die Strafgesetzgebung der Gegenwart» и т. п.

За послѣдніе три года своей жизни авторъ приступилъ къ печатанію своихъ лекцій по уголовному праву. При его жизни вышелъ лишь первый выпускъ, объемлющій 126 стр.; недавно вышелъ второй, обрывающійся на послѣднемъ словѣ, записанномъ рукой А. А., передъ тѣмъ какъ его застигла внезапная кончина. Конечно, лишь въ томъ случаѣ, если бы А. А. успѣлъ закончить хотя бы ученіе о преступленіи, можно было бы дать болѣе или менѣе полное и опредѣленное сужденіе о догматическихъ достоинствахъ или недостаткахъ его работы, но и то небольшое, что напечатано, написано рукой опытнаго преподавателя, умѣющаго кратко, ясно и просто излагать даже сложные догматическіе вопросы и обладающаго широкой и разносторонней эрудиціей, причѣмъ авторъ внимательно учитываетъ новѣйшее русское и иностранное законодательство, а относительно литературы, широко пользуясь новыми трудами, какъ русскими, такъ и иностранными (особенно капитальнымъ изданіемъ «Vergleichende Darstellung des Deutschen und Ausländischen Strafrechts») выгодно отличается отъ многихъ специалистовъ вниманіемъ къ русскимъ ученымъ трудамъ и добросовѣстнымъ

указаніемъ тѣхъ или иныхъ заслугъ своихъ предшественниковъ въ разработкѣ отдѣльныхъ научныхъ вопросовъ. При слабой постановкѣ у насъ научной критики, при почти полномъ отсутствіи систематическихъ обзоровъ за извѣстный періодъ времени, при наличности даже такихъ (къ счастью, рѣдкихъ) приемовъ, какъ дружественная реклама, умышленное замалчиваніе, или заимствование въ текстѣ идеи автора, котораго тутъ же ругаютъ въ примѣчаніи, научная объективность Піонтковскаго, въ которой онъ сходится съ лучшими представителями нашей науки, должна быть особо подчеркнута.

Чтобы покончить съ очеркомъ трудовъ А. А., нужно указать его книгу «Смертная казнь въ Европѣ», 1908 г., и какъ бы дополняющую ее статью въ «Zeitschrift» Листа «Kriminalpolitische Bedeutung der Todesstrafe», В. 31, 1910—11.

Конечно, трудно было сказать что-либо новое по вопросу столь старому, имѣющему столь богатую литературу и въ частности труды такихъ корифеевъ, какъ Миттермайеръ, Кистяковскій и др. Но Піонтковскій внесъ и сюда свою лепту съ одной стороны сводкою нѣкоторыхъ новыхъ статистическихъ данныхъ, свидѣтельствующихъ о паденіи фактическаго примѣненія смертной казни, а съ другой — убѣжденной и стойкой полемикой противъ новѣйшихъ защитниковъ смертной казни въ лицѣ Garofalo, Lacassagne и пр. Если въ русской литературѣ въ это время выходили книги, иногда болѣе ярко освѣщающія вопросъ о смертной казни (коллективный сборникъ русскихъ авторовъ «Противъ смертной казни», труды Таганцева, Гернета, Малиновскаго и др.), то въ нѣмецкой литературѣ, за послѣдніе годы явно обнаружившей уклонъ въ сторону защиты смертной казни, голосъ Піонтковскаго прозвучалъ, какъ напоминаніе о лучшихъ и гуманнѣйшихъ традиціяхъ науки уголовного права, которымъ были въ свое время вѣрны такіе представители германской мысли, какъ Миттермайеръ, Гольцендорфъ, Бернеръ и др. Особенно сильно и рельефно у Піонтковскаго мѣсто, гдѣ, объясняя громадную роль смертной казни въ исторіи, онъ указываетъ на три основные фактора, питавшіе эту роль: религіозный фанатизмъ, политическій деспотизмъ и начавшій расти капитализмъ.

Подводя итогъ, мы не можемъ не отмѣтить, что, являясь сторонникомъ энергичной борьбы государства съ преступностью и чуждаясь слащаваго сентиментализма, Піонтковскій въ то же время

желалъ, чтобы на знамени этой борьбы рядомъ съ неуклонностью стояла гуманность, и въ этомъ отношеніи всецѣло поддерживалъ лучшія традиціи русской науки уголовного права. Въ западной наукѣ многіе новаторы, стремясь къ прочной постановкѣ дѣла борьбы съ преступностью и становясь на позитивную почву, вольно и невольно забывали о гарантіяхъ личности и интересахъ преступника. Ломброзо, Гарофало, даже Листъ нерѣдко грѣшили этимъ грѣхомъ. Классики — еще болѣе. У насъ же сторонникъ антропологической школы Дриль взялъ ее *credo*, но отвергъ изъ него два такихъ важнѣйшихъ пункта, какъ типъ прирожденнаго преступника и какъ идея безошадной борьбы съ людьми этого типа. Наши классики въ подавляющемъ большинствѣ въ преступникѣ не забывали человѣка. Наши социологи настойчиво выдвигаютъ на первый планъ вопросы превенціи, а въ дѣлѣ репрессіи всегда помнятъ девизъ — «не человѣкъ для субботы, а суббота для человѣка».

Играетъ ли тутъ роль нѣкоторая рыхлость и мягкость славянской натуры, какъ думаютъ одни, воспитала ли насъ такъ наша исторія, благодаря которой нашъ народъ одинаково никому не рекомендуетъ зарекаться какъ отъ сумы, такъ и отъ тюрьмы, сказалось ли влияніе цѣлой плеяды нашихъ великихъ писателей — беллетристовъ, кончая Достоевскимъ и Толстымъ, — фактъ гуманитарной традиціи въ русской наукѣ не подлежитъ сомнѣнію, и этой традиціи и словомъ съ каедръ и перомъ всегда вѣрно служилъ и Пюнтковскій.

Но онъ былъ не только гуманистомъ, онъ былъ и новаторомъ. Его властно влекли къ себѣ такія проблемы, которыхъ не знало наше право и которымъ не удѣляла достаточнаго вниманія наша русская наука. Если бы онъ жилъ въ странѣ, имѣющей новый и стоящій на высокомъ научномъ уровнѣ уголовный кодексъ, онъ можетъ быть съ любовью работалъ бы надъ догматической разработкой отечественнаго права для лучшаго проведенія его въ жизнь. Но, живя въ странѣ, гдѣ дѣйствуетъ кодексъ архаическій и болѣе чѣмъ несовершенный, а новый кодексъ дѣйствуетъ въ самой небольшой, хотя и важной, области и успѣлъ, благодаря длительности его выработки и быстротекущему времени, также устарѣть и безнадежно отстать отъ лучшихъ новѣйшихъ образцовъ уголовного законодательнаго творчества за границей, Пюнтковскій считалъ, и на нашъ взглядъ совершенно справедливо, что въ такую эпоху

гораздо важнѣе работать для достиженія лучшаго права, а не для освѣщенія существующаго. Онъ выбралъ два новыхъ института, широко изучилъ ихъ, освѣтилъ въ русской наукѣ и такимъ образомъ облегчилъ путь для проведенія ихъ въ нашу жизнь.

Судьба не очень баловала почившаго. Не будучи тѣмъ, что называютъ звѣздой первой величины, онъ былъ талантливымъ, чуткимъ и энергичнымъ работникомъ и хорошимъ преподавателемъ, но эти свойства все же не привлекли его на кафедру какого-либо изъ крупнѣйшихъ нашихъ университетовъ, гдѣ онъ получилъ бы и болѣе широкую арену для дѣятельности и большее матеріальное обезпеченіе. Всю жизнь провелъ онъ въ далекой провинціи, сперва въ Ярославлѣ, потомъ въ Казани. Да и въ другихъ отношеніяхъ было ему нелегко, и недаромъ такъ выразительно писалъ онъ о значеніи «Дамоклова меча». Какъ и многіе другіе, и онъ лично испыталъ нѣчто близкое къ условному осужденію, только безъ предварительнаго судебного разбирательства. Человѣкъ прогрессивныхъ убѣжденій, достаточно экспансивный и нервный, онъ мало цѣнилъ такіа «золотыя» правила російскаго обывательскаго благоразумія, какъ «моя хата съ краю» и «держи языкъ за зубами». Поэтому въ недавнія времена ему властно дали понять, что, если онъ не измѣнитъ характера своей дѣятельности и выступленій по университетскимъ дѣламъ, онъ можетъ оказаться за предѣлами университета. Затѣмъ потянулся «періодъ испытанія», и очень нелегко совершился переходъ черезъ порогъ двадцатипятилѣтія профессорской службы, который по дѣйствующему уставу можетъ безъ всякихъ объясненій быть превращеннымъ въ порогъ къ отставкѣ...

Теперь для А. А. закончились всякія испытанія. Добрымъ словомъ помянутъ его товарищи по профессурѣ, его слушатели и историки нашей науки. Но особенно будетъ онъ памятенъ въ рядахъ русской группы международнаго союза криминалистовъ. Онъ былъ однимъ изъ учредителей группы и яркимъ сторонникомъ научныхъ девизовъ союза. Онъ, пока позволяли здоровье и другія обстоятельства, постоянно участвовалъ на сѣздахъ группы и вносилъ въ работу сѣздовъ много энергіи и инициативы, этихъ наиболѣе цѣнныхъ его качествъ.

Онъ ушелъ. Остается лишь память, и это будетъ память о талантливомъ и добросовѣстномъ труженикѣ и свѣтломъ человѣкѣ.

Проф. М. П. Чубинскій.

Отдѣльный оттискъ изъ журн. «Юридическій Вѣстникъ» 1916 г., кн. XIV (II).
Тип. Г. Лиснера и Д. Собко. Москва, Воздвиженка, Крестовоздв. пер., д. 9.

00061055

ЮФ СЛБГУ